

«Я родился под балконом Джульетты»

В одном из составов труппа La Scala показала в роли Ромео молодого солиста Мика Дзенни

Ярослав СЕДОВ, для «Новых Известий»

Этот Ромео — полная противоположность привычным лирическим любовникам. Поначалу его, скорее, можно принять за Тибальда. Нервное подвижное лицо, наигранное спокойствие, маскирующее взрывчатый темперамент, благодаря которому виртуозные танцевальные комбинации у Дзенни выглядят экспрессивными монологами. Его герой постоянно настороже, будто каждое мгновение ожидает удара в спину. Неуязвимые в уличных потасовках, Ромео и его друзья беззащитны перед ударами судьбы. В бутафорском мире Макмиллана среди благообразных добродушных персонажей Ромео-Дзенни единственный, кто это осознает. Он будто притягивает к себе трагические обстоятельства и, к удивлению милой бестолковой Джульетты, переживает каждое мгновение встречи с ней как последнее.

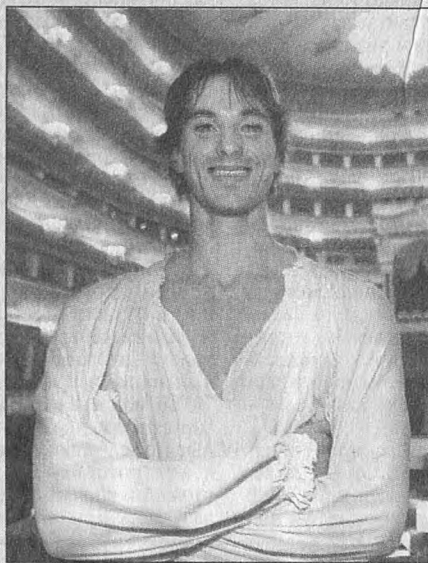
Серьезная актерская работа Дзенни очень близка психологическим традициям русского балета, которые весьма интересуют труппу La Scala. «Мы возлагаем на Мика большие надежды», — говорит художественный руководитель балета театра Фредерик Оливьери...

— Мик, в какой мере вам помогает или мешает интерпретация Рудольфа Нуреева, для которого Макмиллан ставил свою версию «Ромео и Джульетты»?

— Мы все находимся под влиянием Нуреева, он сделал огромный вклад в современный европейский балет. Основные акценты самых популярных партий определены им. Конечно, я хорошо знаю его интерпретацию Ромео. Но Нуреев уникален, копировать его не имеет смысла. Можно работать над тем, чтобы, как и он, быть на сцене личностью и находить контакт с сегодняшним временем. Постановка Макмиллана сейчас выглядит очень натуралистичной, здесь много бытовых подробностей. Нужно сделать так, чтобы все это не выглядело архаичным.

— Так, может быть, обратиться к более современной версии или найти хореографа, который будет ставить специально для вас?

— Надеюсь, у меня все это впереди. Но для меня важнее выражать на сцене нечто существенное, а не просто выучить много пар-

АТР, для «НОВЫХ ИЗВЕСТИЙ»

тий. Меня, например, забавляет, что добиться успеха в отрицательных ролях порой легче, чем в образах благородных героев. Чем людей притягивает зло, что побуждает их сочувствовать отрицательным героям?

— Почему же вы предпочитаете танцевать Ромео, а не Тибальда?

— Тибальда я скоро исполню, у меня уже продумана трактовка этого образа. А роль Ромео всегда была моей мечтой. Я ведь родился и живу в Вероне, под балконом Джульетты прохожу раз пятьдесят в день. А в Милан езжу на работу.

— Вы и балетом занялись, чтобы станцевать Ромео?

— Ну в детстве я об этом не думал. Мне нравились спортивные игры и театр, в балете это соединилось. Я начинал учиться во Флоренции, делал успехи. Постепенно стало ясно, что балет может быть моей профессией и нужно продолжить обучение в серьезной школе. А поскольку одна из лучших и старейших итальянских балетных школ Италии — при La Scala, я и отправился туда. Поступив в труппу, я прошел в «Ромео и Джульетте» путь от эпизодических ролей до Бен-

волио. А когда в La Scala вернулась Алесандра Ферри и для нее стали ставить версию Макмиллана, я подумал: если теперь не станцую Ромео, то зачем я вообще работаю в Scala? Хотя должен сказать, что сцениграфия этого спектакля хоть и роскошна, но ничего общего с Вероной не имеет. В жизни мне пришлось пройти через ситуации, близкие тем, в которые попадал мой герой. Погиб мой лучший друг, и я потерял свою Джульетту. Она, слава Богу, жива, это моя партнерша, мы вместе танцуем. Но опыт нашей семейной жизни оказался неудачным.

— Значит ли это, что характер у вас столь же импульсивный и властный, как у ваших персонажей?

— В жизни я человек закрытый. Я не сторонюсь компаний, но артисту, если он хочет развиваться, нужно много и сосредоточенно обдумывать свои роли, эмоции, впечатления, то есть заниматься собой, выстраивать свою личность. Я очень люблю серьезное кино и драматический театр, использую на сцене многое из того, что там вижу.

— А советы принимаете?

— У меня есть учителя и друзья. Я человек скромный, высоко ценю и уважаю коллег, особенно мастеров нашего дела. Нужно иметь характер и ум, чтобы не выставлять себя тем, кем не являешься. Я чувствую, на каком месте сейчас нахожусь — пока не на самом высоком...

— А вы знаете, что сидите сейчас за гримовальным столом Владимира Васильева?

— Seriously? Я не знал... Вот сейчас персонажи Васильева как набросятся на меня из зеркала, скажут: «Кто это смеет тут рассуждать об искусстве?»...

Но когда я выхожу на сцену — это мой час, в это время другие меня не интересуют. Только жизнь моего персонажа и контакт со зрителями. В Москве очень приветливая публика. В Париже нас обычно принимают менее благосклонно, в Лондоне еще хуже. Может быть, это я виноват, но еще важна сама сцена. В Большом она великолепна: просторный просцениум, ничто не скрывается. И очень хорошо расположен партер, здесь оптимальное ощущение публики. В том, что касается сцены и атмосферы, Большой — лучший театр из всех, где я танцевал.